

79
К о п и я

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1961 года февраля 24 дня.

Дер. Немки.

Ст.следователь следотделения УКГБ при СМ БССР по Могилевской области капитан _____ допросил в качестве свидетеля

КОЗЛОВСКОГО Максима Васильевича, 1891 г. рождения, уроженца дер. Немки, жителя дер. Гоголь, Кировского района, Могилевской области, белоруса, гр-на СССР, беспартийного, женатого, несудимого, пенсионера, образование 4 класса.

Об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу ложных показаний предупрежден по ст.ст. 134 и 136 УК БССР.

КОЗЛОВСКИЙ.

Свидетель КОЗЛОВСКИЙ заявил, что он владеет русским языком и желает давать показания на русском языке. По существу заданных вопросов показал: До Отечественной войны я работал объездчиком Гривовецкого лесничества и проживал в доме лесничества, который находился в лесу, метрах в 150 от шоссе Могилев-Бобруйск и метрах в 200 от поселка Закриничье, входящего в состав деревни Борки. Дом лесничества был по правую сторону шоссе, если следовать из города Могилева на Бобруйск. Когда началась Отечественная война я в армию мобилизован не был и остался проживать на оккупированной территории. Жил я в лесничестве. В период немецкой оккупации, как я помню, 15 июня 1942 года деревня Борки была сожжена немецкими карателями, а жители деревни расстреляны. В живых остались только те, которым удалось бежать от расправы карателей, и те, которые в тот день были в отлучке. Мне удалось бежать от расправы карателей. В тот день, то есть 15 июня 1942 года, каратели убили и сожгли в домах 1800 человек. Об этом имеется надпись на памятнике, поставленном в деревне Борки. Из числа жителей деревни Борки осталось в живых 43 человека - это бежавшие от расправы карателей и находившиеся в тот день в отлучке. Я тогда считал кто остался в живых и, как помню, насчитал 43 человека. Деревня Борки в то время состояла из поселков: Закриничье, Хватовка, Долгое поле, Пролетарский, Дзержинский, Красный пахарь и Борки. О расправе немецких карателей над жителями деревни Борки я в настоящее время помню следующее: Я уже показал, что проживал в доме лесничества, который находился метрах в 150 от шоссе Могилев-Бобруйск. В том же доме жил со своей семьей лесничий МАРКЕВИЧ Иван Иванович. У него было четверо детей. Старшей девочке было семь лет. У меня так -

80
же было четверо детей : сын Николай 18 лет, Станислав - 16 лет, Василий 5 лет и Александр 7 лет. Рано утром на рассвете 15 июня 1942 года я вышел из дома на двор и услышал шум моторов машин на шоссе Могилев-Бобруйск. Шоссе от дома было видно. Стоя около дома, я увидел, как по шоссе прошло два мотоцикла, а вслед за ними шли автомашины. Я насчитал 24 автомашины. На машинах сидели вооруженные люди. Меня заинтересовало куда пойдут автомашины. Мой сын Николай в то время отводил на пастбище лошадь. Николай подошел ко мне, и мы вышли на опушку леса в сторону поселка Закриничье. Находясь на опушке леса, я увидел, что автомашины свернули в шоссе и пошли в направлении деревни Борки. Мне было видно, как автомашины, не доезжая деревни Борки, остановились. Мотоциклисты поехали в Борки. Вскоре мотоциклисты возвратились к автомашинам и автомашины поехали в направлении поселков деревни. В это время я и сын Николай пошли в дом, решив одеться и уйти в лес. Жена моя спала. Я ее разбудил и предложил уходить в лес. Жена уйти в лес отказалась, заявив, что к нам приходил за день до этого староста с полицейскими и грозил ей, что убьет меня, за то, что я хожу с лесничим МАРКЕВИЧЕМ в лес. Я ответил жене, что я все же в лес уйду. Перед этим днем за пять партизаны из партизанского отряда Демидова подорвали на шоссе Могилев-Бобруйск недалеко от лесничества четыре немецкие автомашины. Эти партизаны заходили ко мне, но фамилии их сейчас не помню. Не справился я одеться, как ко мне в квартиру зашло человек пять карателей. Все они были в немецкой одежде. На головах у них были каски. На касках и рукавах одежды у них были знаки, изображающие череп. Все каратели были вооружены автоматами. Один из карателей сказал, обращаясь ко мне : " Русь " и ударил меня кулаком по голове. После этого каратели приказали мне и моей семье выходить из дома. Вернее они, разговаривая по-немецки, показывали, чтобы собирались и выходили из дома.

Каратели вывели из дома меня, мою жену Анну Даниловну и сына Николая. Другие каратели вывели из дома лесничего МАРКЕВИЧА и его жену Таису, отчество не помню. На дворе около дома находились каратели. Сколько всего было человек не помню. Эти каратели также были в немецкой одежде, в касках и пилотках. На рукавах одежды и на головных уборах у них тоже были знаки, изображающие череп. Два карателя, стоявшие около дома, разговаривали между собой по-русски с украинским акцентом. Эти два карателя сказали, обращаясь ко мне и МАРКЕВИЧУ : " Оце, идите прямо." Как каратели подходили к дому, я не видел. Я их увидел, когда зашли в дом, о чем я уже показал. От дома каратели повели нас в направлении поселка Закриничье. Нас повели не все каратели, несколько человек осталось около дома. Выйдя на опушку леса, каратели остановили нас. Один из карателей пошел к дому и привел к нам детей МАРКЕВИЧА и моих. Я взял на руки сына Василия. Каратели повели нас на поселок Закриничье. Мне было видно, что поселок окружен карателями. По поселку также ходили каратели. На улице в центре поселка каратели нас остановили. Другие каратели ходили по домам и приводили к нам жителей поселка. Там каратели собрали в одно место всех жителей поселка. Одна женщина, фамилию и имя ее не помню, придя в толпу, стала говорить, где же ее муж. Один из карателей у нее спросил : " Оце с ка-

кого ты дома"? Эта женщина указала свой дом. Этот каратель пошел в дом и привел в толпу ее мужа. Звали его Иван, фамилию не помню. Собрав всех жителей поселка, каратели повели нас по улице в направлении деревни Борки. В конце поселка каратели нас остановили. Один из карателей, охранявших нас все время смотрел на часы. Приезжал ли на поселок тогда мотоциклист не помню. В конце поселка мы стояли недолго. Потом каратель, смотревший на часы, сказал по-русски, кто хозяин крайнего дома. Женщина, хозяйка дома, фамилию ее не помню, ответила, что она хозяйка дома. Этот же каратель сказал, чтобы в ее дом заходило восемь человек. Другой каратель на русском языке с украинским акцентом также сказал, чтобы в дом заходило восемь человек. Каратели взяли из толпы восемь человек и завели в крайний дом. В дом пошло два карателя. В доме послышались выстрелы. Я догадался, что в доме расстреляли тех восемь человек, которых забрали в толпу. В толпе послышался плач и крики. Каратели брали из толпы по восемь человек и заводили в следующие дома, где расстреливали. Из домов слышался плач и крики. После стрельбы все затихало. Так каратели брали из толпы по восемь человек, заводили в дома и там расстреливали. Получилось так, что я, МАРКЕВИЧ и еще несколько человек остались на улице. Нас последних каратели повели в дом КОРОЛЕВА, имя и отчество не помню. Когда стали заводить нас в дом, жена МАРКЕВИЧА не хотела заходить в дом. У нее на руках был ребенок, которому был год. Каратель вырвал у нее с рук ребенка, взял его за ноги и ударил головой о пуля, лежавшее около дома. Ребенок сразу скончался. В этот момент МАРКЕВИЧ, зашедший перед женой в дом, схватил стоявшие в коридоре дома вилы и ударил карателя вилами в грудь. Каратель упал и что-то закричал по-немецки. В это время я и МАРКЕВИЧ бросились бежать. Я побежал в лес к шоссе. МАРКЕВИЧ отбежал от дома, на большое расстояние, и был убит. У меня на руках был мой пятилетний сын Василий. Я забежал с сыном в нежилой дом на краю деревни. Увидев, что в этот дом идет один каратель, я побежал в лес. Каратель стал стрелять по мне из автомата и ранил меня. Пуля попала под левую лопатку и вышла около шеи. Я упал на землю. Мой сын стал около меня. Увидев, что каратель идет ко мне, я поднялся и побежал в лес. Сына нести я не мог и сказал ему, чтобы он бежал за мной. Он за мной не побежал, вернулся на поселок, где был убит и сожжен в доме. Когда я бежал в лес, уже будучи раненым, каратель, шедший ко мне, не стрелял. По мне стреляли каратели, находившиеся в засаде на опушке леса. Эти каратели ругались и кричали, чтобы я остановился. Они ругались и кричали по-русски с украинским акцентом. Получилось так, что я бежал прямо на карателей, находившихся в засаде. Сколько их было в засаде точно сказать не могу, так как не помню. Подбежав вплотную к карателям, я крикнул: "Ой!" Они в этот момент прекратили стрельбу, и мне удалось убежать дальше в лес. Каратели меня не преследовали. В этот же день я пришел на свою родину в деревню Немки. Уже будучи в деревне Немки, я увидел дым в том направлении, где находилась деревня Борки. Я догадался, что каратели подожгли деревню Борки.

На третий день я пошел из деревни Немки на поселок Закриичье. Придя туда, я увидел, что все поселки деревни Борки сгоре-

82

ли. На пожарищах домов лежали кости сгоревших людей, а кое-где лежали обгоревшие трупы. На поселке Закриничье каратели убили и сожгли мою жену, сыновей Николая, Станислава и Василия, сын Александр спасся. Семья МАРКЕВИЧА погибла вся. Трупы жены, Николая и Станислава я не нашел. Зная в какие дома их завели каратели, я собрал на пожарищах домов все кости и закопал их там же на пожарищах. Труп сына Василия я также не нашел, но нашел часть несгоревшей рубахи, и поэтому узнал в каком доме он был убит и сожжен. Из деревни Борки я опять возвратился в деревню Немки и ушел в партизанский отряд № 100, где находился до изгнания немцев из нашей местности. Когда я пришел в деревню Немки и рассказал о расправе над населением деревни Борки, все население деревни Немки ушло в лес. Если не ошибаюсь, как мне помнится, 22 июля 1942 года каратели приехали в деревню Немки и сожгли всю деревню. Тогда в деревне Немки было около 120 домов. Из жителей деревни был убит только один старик ЖЕВЛАКОВ Андрей Яковлевич, который был в деревне. Все остальные жители были в лесу. Какие каратели сожгли деревню Немки не знаю. Тогда я никого из карателей не видел. Позднее я разговаривал с жителями деревни Немки и никто из них не знает, кто сжег деревню, так как все были в лесу.

Потом мне рассказывали, но кто именно не помню, что расправу над жителями деревни Борки учинил немецкий карательный отряд, приехавший из города Могилева и карательный отряд, которым командовал БАРЧИК. БАРЧИКА я не знаю, но слышал, что его отряд тогда находился в деревне Чечевичи. Кто командовал немецким карательным отрядом не знаю. Немецкого офицера по фамилии Дирлевангер я не знаю. Слышал ли я такую фамилию ранее из-за давности не помню.

Каратели, которых я видел, все для меня были незнакомые. В настоящее время никого из них опознать не могу. Каратели, которых я видел, разговаривали по-немецки и по-русски с украинским акцентом. Поэтому я определяю, что среди карателей были немцы и украинцы. Мне еще рассказывали, но кто именно, не помню, что каратели, приехав в деревню Борки, собрали всех местных полицейских, закрыли их в сарае около школы и сожгли живьем. Полицейских каратели собрали в сарай вместе с их семьями. Я еще вспомнил, что, когда каратели привели меня с семьей и семьей МАРКЕВИЧА на поселок Закриничье, то я видел полицейского ПОПКОВА Марка, отчество не помню, из деревни Колбово. ПОПКОВ Марк, вооруженный винтовкой, шел по поселку и пошел в направлении деревни Борки. Как он оказался на поселке Закриничье не знаю. Больше его в тот день я не видел. Где находится ПОПКОВ в настоящее время мне неизвестно. Больше показать ничего не могу. Протокол допроса мне прочитан, показания с моих слов записаны правильно.

КОЗЛОВСКИЙ

Допросил: Ст. следователь следотдела УКГБ по
Могилевской области капитан
КОПЦА ВЕРНА: Ст. следователь следотдела КГБ
при СССР капитан